

УДК 316.47

Д. В. Полянский

ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО РЕДУКЦИОНИЗМА В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Социальный конструктивизм – мировоззренческая и методологическая установка, получившая распространение в гендерных исследованиях второй половины XX в. Раскрываются теоретические основания социологического конструктивизма и идеологические причины его популярности в феминистской философии. Рассматривается социальный конструктивизм как форма социологического редукционизма в объяснении человеческого поведения.

Social constructivism is a philosophical and methodological approach widely used in the gender studies of the second half of the 20th century. The author examines the theoretical framework for sociological constructivism and ideological reasons behind its popularity in feminist philosophy. The author considers social constructivism as a form of sociological reductionism in explaining human behaviour.

Ключевые слова: гендер, пол, квир, социальный конструктивизм, эссенциализм, социологический редукционизм, феминизм, мужское, женское.

Key words: gender, sex, queer, social constructionism, essentialism, sociological reductionism, feminism, male, female.

Последние десятилетия — время взрывного роста эмпирических данных о мужчинах и женщинах. Одна за другой в этой сфере рождались новые исследовательские дисциплины — естественно-научные (антропология пола, этология пола, сексология), гуманитарные (дифференциальная психология мужчины и женщины, гендерная лингвистика), социальные (гендерная история, гендерная социология, гендерная экономика, гендерное право). Появлялись новые термины, методы, подходы, концепции.

Есть несколько причин стремительного развития данной области исследований. Свою роль, конечно, сыграли и общий прогресс науки, и связанная с ним тенденция дифференциации научного знания. Но отдельно стоит отметить, что очень быстро менялись сами мужчины и женщины, их внешний облик, ролевые модели поведения, цели, ценности, положение в обществе. Естественно, что от ученых в этой ситуации ждут объяснений происходящих масштабных трансформаций. Исследования в этой области с самого начала оказались тесно переплетены с идеологической борьбой вокруг женского вопроса, так как по времени совпали с массовым феминистским движением на Западе и активной экспансией женщин в академические и политические институции.

Очевидная идеологизированность так называемых *women studies*, *feminist studies* и *gender studies* имела двойные последствия. С одной стороны, мужское и женское перестали быть категориями только лишь религиозной метафизики и биологии, стали ближе к социальным проблемам и реальному многомерному опыту современных мужчин и женщин. С другой — идеологическая ангажированность является препятствием на пути к объективности, которая, несмотря на трудности в ее достижении, остается базовым идеалом не только естественных, но и социально-гуманитарных наук. Некоторые женщины-исследовательницы, к примеру, поспешили обвинить мужчин в предвзятости, назвав их носителями «мужской» точки зрения в науке («malestream»), как будто забывая, что такими высказываниями они как авторы «женской» точки зрения отказываются от претензий на объективность. Не удивительно, что, следуя той же логике, одни группы женщин сразу начали высказывать недоверие к концептуальным представлениям других групп. Однажды подвергнув сомнению возможность общечеловеческого опыта, женщины поставили под такое же сомнение возможность общего женского опыта, ведь опыт чернокожих женщин не совпадает с опытом белых женщин, опыт богатых женщин отличен от опыта бедных, а опыт гетеросексуальных женщин отличается от опыта представительниц сексуальных меньшинств. Если продолжить абсолютизировать субъективные основания опыта и рассуждать в этом направлении до конца, мы дойдем до уникального опыта каждого индивида. Каждый человек, будь то мужчина или женщина, есть неповторимая индивидуальность и носитель эксклюзивного внутреннего мира, но значит ли это, что эти субъективные миры не пересекаются? Ответить на этот вопрос положительно («да, не пересекаются») — значит отрицать саму возможность общезначимых представлений и, как следствие, отрицать возможность научного знания.

Попытка превратить науку в орудие политической борьбы, безусловно, может помочь изменить социальную реальность, но это точно не помогает нашему движению к более достоверному и адекватному знанию. Чрезмерная политизированность гендерной проблематики способствовала радикализации концептуальных стратегий. Конечно, мы не можем надеяться на появление в этой области «незаинтересованного» субъекта, которого нельзя заподозрить в предвзятости. Единственное, на что стоит рассчитывать в поисках более объективной картины действительности, — это непрерывный диалог носителей разного опыта, представителей разных социальных групп и исследовательских дисциплин. Сегодня область знаний о мужчинах и женщинах крайне нуждается в междисциплинарном синтезе, соединении разных подходов и по возможности спокойной методологической рефлексии.

В качестве примера негативных последствий идеологизации и дисциплинарной замкнутости современных гендерных исследований рассмотрим вопрос о природе мужчин и женщин. До XX в. существование особой мужской и особой женской природы рассматривалось как само собой разумеющееся. Конкретное описание и оценка степени различий между мужской и женской природой могли отличаться, но базовая мировоззренческая установка оставалась неизменной. Далее в соответствии с традицией мы будем называть эту мировоззренческую установку эссенциализмом. В гендерных исследованиях второй половины XX в. в качестве оппозиции эссенциализму возникает принципиально иная установка — социальный конструктивизм.

Эссенциализм признает существование мужского и женского как изначальных и относительно устойчивых сущностей. Социальный конструктивизм отрицает такого рода сущности, рассматривая маскулинность и феминность как идентичности, возникающие под влиянием локальных социальных условий, в том числе сконструированные через язык и механизмы социализации. Эссенциализм традиционно оперирует категорией «пол», социальный конструктивизм идеологически связан с послевоенным феминистским движением и использует категорию «гендер». Долгое время эссенциализм был частью мифорегиозной картины мира, где мужское и женское рассматривались как надприродные сущности, созданные богом (богами) или укорененные в боге (в богах). Но и в секуляризованном научном мировоззрении XIX в. эссенциализм сохранил свое монопольное положение, хотя и в совершенно иной, натуралистической форме. Вместо религиозной риторики ученые предпочитали рассматривать мужское и женское как универсальные свойства живой природы или, по крайней мере, царства животных. Современным биологам, правда, известно, что половой диморфизм и половой способ размножения вовсе не так универсальны, как считалось до недавнего времени. Зато теперь известно о значительной роли генов и гормонов в детерминации полоспецифических особенностей морфологии и поведения. Эссенциалистские установки в биомедицинских науках никогда не подвергались серьезным сомнениям, поэтому альтернатива эссенциализму могла возникнуть только за пределами естественно-научного дискурса.

Социально-конструктивистская трактовка мужского и женского получает распространение в так называемой гендерной социологии в 70-х гг. XX в. Среди теоретических предпосылок социального конструктивизма Е. Здравомыслова и А. Темкина указывают теорию П. Бергера и Т. Лукмана о социальном конструировании реальности, этнометодологию Г. Гарфинкеля, драматургический интеракционизм И. Гофмана [4, с. 147–173]. Данные социологические подходы прекрасно сочетались со знаменитым феминистским тезисом С. де Бовуар «женщинами не рождаются, а становятся» [1], который, в свою очередь, вытекал из общефилософских принципов экзистенциализма в трактовке Ж.П. Сартра. Согласно Сартру, особое достоинство человека состоит в том, что он не обладает какой-либо предзаданной сущностью, а творчески создает ее в процессе своего уникального существования.

Еще один важный философский источник социального конструктивизма – постструктурализм М. Фуко. Предложенные им в разное время концепции дисциплинарной власти, дискурсивных форм власти, исторически изменчивой сексуальности значительно повлияли на многих протофеминистских авторов. Особую известность приобрела постструктуралистская попытка Д. Батлер окончательно деконструировать эссенциалистские бинарные оппозиции «мужское – женское» и «гомосексуальность – гетеросексуальность». Д. Батлер предложила так называемую перформативную концепцию идентичности [9], согласно которой феминность и маскулинность не имеют никаких биологических оснований и являются просто дискурсивными конструктами, которые используются для выстраивания отношений власти, стигматизации и практик исключения «ненормальных». «Мужчина» и «женщина» при этом трактуются номиналистически, это лишь имена, которые инспирируют театрализованное проигрывание закрепленных за этими именами социальных ролей в соответствии с ожиданиями окружающих «зрителей». По мнению Д. Батлер, бинарные оппозиции «мужское – женское» и «гомосексуальность – гетеросексуальность» не просто вводят нас в эссенциалистское заблуждение, они порождают формы социального неравенства и по этой причине должны быть деконструированы. Вместо традиционных идентичностей Д. Батлер и ряд других авторов (Т. де Лауретис, И.К. Сэдживик, Э. Гросс) предложили каждому выстраивать свою собственную уникальную квир-идентичность. Позиционируя себя как «квир», человек тем самым делает что-то вроде этического или даже политического заявления. Он объявляет, что его не нужно далее маркировать как мужчину или женщину, гетеросексуала или гомосексуала, что он не хочет быть определен в логике традиционных бинарных оппозиций, несущих потенциал сексизма и гомофобии. Тем самым он отказывается использовать язык, который тысячами служил для целей стигматизации.

Квир-концепция, с одной стороны, выступает радикальной формой социального конструктивизма, а с другой – представляет собой естественный итог его логического развития. Идеологизированность этой концепции не только очевидна со стороны, она заявлена самими авторами и позиционируется ими как проявление интеллектуальной чест-

ности. Не имея ничего против интеллекта, честности и гендерного равенства, рассмотрим, тем не менее, к чему ведет подобное стремление превратить научное знание в инструмент политической борьбы. Дело не в том, что радикально-социальный конструктивизм бросает вызов здравому смыслу (история знает немало случаев, когда наука торжествовала над здравым смыслом), проблема в том, что социальный конструктивизм вступает в явное противоречие с эмпирическими данными биологических наук и, по сути, берет за скобки биологические факты, не обращает на них внимание.

Биологи, как мы уже заметили, никогда не были склонны отказываться от идеи природы человека. И хотя на протяжении последнего столетия не прекращалась критика этой идеи как бессодержательной абстракции, в реальности биологи, безусловно, отличают видоспецифические особенности человека от особенностей шимпанзе или, скажем, слонов. Пусть при этом приходится оперировать весьма абстрактным понятием «человек вообще» и отвлекаться при этом от наличного разнообразия конкретных единичных людей и неравного распределения многих качеств по человеческой популяции, всё это не умаляет значение теоретического вывода, что среднестатистический человек морфологически, психологически и поведенчески отличается от среднестатистического шимпанзе. Более того, как своевременно и убедительно недавно напомнил Ф. Фукуяма [8], на идее природы человека покоятся все современные либеральные демократические идеалы, ибо представление о правах человека мы черпаем в первую очередь из представлений о его природе.

Схожим образом биология и психология обладают достаточным набором инструментов, чтобы установить различия между «мужчиной вообще» и «женщиной вообще». Морфологические различия сомнений не вызывают, хотя приходится иметь в виду отдельные, но, к счастью, редкие трудные случаи, которые в современной сексологии описываются в терминах интерсексуальности и транссексуальности. Куда сложнее приходится в определении психологических различий. Дело не только в трудности измерения «нематериальной» стихии «психэ». Проблема в том, что психологические особенности мужчин и женщин (в отличие от морфологических особенностей) могут быть выделены исключительно статистическим способом. Здесь мы имеем дело не с онтологическими свойствами, которые у одного пола есть, а у другого пола отсутствуют, а с качествами, которые присущи как мужчинам, так и женщинам, но распределены в мужской и женской частях популяции неравномерно.

Современные метааналитические обзоры дифференциальной психологии свидетельствуют, что статистические отличия между мужчинами и женщинами на уровне медиан по большинству качеств являются минимальными или отсутствуют и что обыденные представления о различиях между мужчинами и женщинами сильно преувеличены [6, с. 183–184]. Но эти же исследования говорят нам, что статистически значимые различия существуют. Отдельная проблема определить, в какой степени эти различия биологически детерминированы, учиты-

вая, что исторически меняющиеся условия культуры и материального производства так же оказывают влияние на способности и поведение мужчин и женщин. Безусловно, на исчерпывающую точность в этом вопросе рассчитывать не приходится. Однако предельно широкая и репрезентативная выборка, транскультурные исследования, метаанализ собранных данных в сочетании с накопленными знаниями в области психофизиологии, сексологии и эндокринологии способны дать приблизительную картину биологических характеристик среднестатистического мужчины и среднестатистической женщины.

Конечно, очень важно помнить о том, что знание о «среднестатистическом мужчине» имеет границы применимости в отношении конкретного мужчины, а знание о «среднестатистической женщине» мало что говорит о конкретной женщине. Нужно всегда различать общие, частные и единичные суждения и понимать, что они релевантны в рамках разных аналитических процедур. Каждый человек уникален, и его личные качества могут весьма сильно отклоняться от среднестатистических величин. Любая часть популяции по своим свойствам неоднородна и имеет смысл ее разделять по разным основаниям на разные группы. Но это вовсе не означает, что обобщения и идеализации, из которых, собственно, строится теоретическая часть научного знания, лишены онтологической ценности и ничего не говорят о реальности. Утверждать подобное — значит отрицать возможность абстрактного теоретического научного знания адекватно картографировать объективную действительность и в очередной раз ставить под сомнение ценность науки как таковой.

Еще одна заметная трудность в изучении природных качеств состоит в том, что человеческие способности крайне пластичны. Все человеческие качества, судя по всему, изначально даны лишь как задатки с определенным диапазоном возможного развития. Задатки превращаются (или не превращаются) в способности под влиянием большого разнообразия факторов внешней среды, и человек, как показывают наблюдения, способен меняться под влиянием различных сил гораздо больше, чем любое другое известное нам животное. Но значит ли это, что пластичность человеческих способностей беспредельна? Думать подобным образом у нас нет никаких оснований. Конечно, сравнительная психология мужчин и женщин — слишком юная дисциплина и она не имеет длительной истории измерений. Но помимо того что в условиях недостатка надежных эмпирических данных всегда полезно держаться здравого смысла, мы в качестве ориентира можем иметь в виду пластичность морфологических характеристик человека. Скажем, рост — достаточно легко и давно измеряемое свойство, которое неравномерно распределено у мужчин и женщин (мужчины в среднем выше). Измерения показывают, что в ведущих странах мира в последние столетия происходила акселерация, в результате чего средний рост людей значительно увеличился. И хотя, как пишет Ф. Фукуяма, «средняя европейская женщина в 2000 году заметно выше среднего мужчины 1500 года, но мужчины остаются выше женщин. Фактические значения медианы

для любой заданной популяции или исторического периода во многом определяются средой, но общая степень возможного разброса и средней разницы между мужчиной и женщиной – результаты наследственности, следовательно, природы» [8, с. 190–191].

Итак, характерная для социального конструктивизма идеологизированность и тесно связанная с этим «слепота» в отношении биологических данных выводит эти концепции за пределы научного знания, что вряд ли полезно для целей феминистского движения. Кроме того, мы должны помнить, что вопреки растущей популярности феминизма равенства в политической практике большинства демократических стран торжествовал феминизм различий. Отрицая в идеологических целях природу женщин, социальные конструктивисты на деле подрывают теоретические основания феминизма различий, который отстаивает особые женские права и специальные преференции для женщин. И если источник прав человека состоит в представлениях о человеческой природе, то источник прав женщины можно найти только в особой женской природе. Мотивированное интересами женщин отрицание женской природы на деле затрудняет борьбу многих женских движений за предоставление женщинам столь нужных им привилегий. Сторонники феминизма равенства стремятся обесценить данные дифференциальной психологии, хотя на деле именно благодаря этим исследованиям мы знаем, что женщины в своих интеллектуальных и лидерских способностях не уступают мужчинам, а следовательно, есть совершенно объективные причины снять все социальные барьеры на пути их образовательных и карьерных устремлений.

Не выдерживает критики и аргумент, согласно которому эссенциализм должен быть предан забвению как потенциально дискриминационное учение. Во-первых, дело ученых выяснять то, какая концепция ближе к истине, а не то, какое представление является более полезным для общества. Во-вторых, как показал знаменитый кейс с Д. Реймером [10], социальный конструктивизм ничуть не хуже эссенциализма может служить для обоснования опасных экспериментов и деструктивных социальных практик.

Социальный конструктивизм вообще и концепция квир-идентичности в частности представляют собой яркий пример социологического редуционизма. Справедливости ради стоит заметить, что социологический редуционизм в антропологических концепциях возник во многом как реакция на биологический редуционизм, который по-прежнему распространен в естественно-научной среде. Равно как биологи склонны сводить сложные условия бытия человека к биологическим детерминантам и игнорировать данные социальных наук, социальные конструктивисты закрывают глаза на биологическое измерение в человеке, на человеческую природу. Однако редуционисты как первого, так и второго типа, в равной степени отдаляют нас от понимания реальной сложности человека, а значит, вряд ли могут помочь в деле решения социальных и психологических проблем, с которыми сталкиваются мужчины и женщины в современном мире.

Список литературы

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков ; СПб., 2002.
2. Бовуар С. де. Второй пол : в 2 т. М. ; СПб., 1997.
3. Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино, 2013.
4. Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. Харьков ; СПб., 2001.
5. Киммел М. Гендерное общество. М., 2006.
6. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.
7. Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004.
9. Butler Judith P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N. Y., 1990.
10. Colapinto J. As Nature Made Him: The Boy Who Was Raised as a Girl. N. Y., 2001.

Об авторе

Дмитрий Викторович Полянский — канд. филос. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: dvpolianski@gmail.com

About the author

Dr Dmitri Polyansky, Ass. Prof., I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: dvpolianski@gmail.com